

КОНЦЕПТ «РУССКИЕ»: ДЕНОТАТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (на материале произведений Ф.М. Достоевского и современной публицистики)



Эльвира Геннадьевна АПАНАСЕНКО,
аспирантка ДВГУ

Концепт «Русские» в произведениях Ф.М. Достоевского нельзя рассматривать только как часть концептосферы творчества писателя, которая обусловлена личностной, индивидуальной картиной мира, особенностями идиостиля. Масштабность (психологическая, философская, художественная) основ творчества данного автора актуализируется «пучком» многоликих субстанций, которые отражены в суждениях, мнениях героев произведений, живущих в различных социальных и бытовых условиях, в индивидуальном внутреннем мире. Сумма компонентов концепта «Русские» не формирует цельную индивидуально-авторскую картину мира писателя. В этом случае можно говорить о семантической неаддитивности, когда целое всегда больше суммы своих частей (11: 64), что предполагает некоторые трудности в анализе концепта «Русские». Трудность также заключена в особой структурной сложности самого эпонима «русские».

Концептуальный анализ слова предполагает исследование нескольких слоев — понятийного, предметного, оценочного, ассоциативного, этнокультурного. Исследование этнокультурного слоя выводит концепт «Русские» за рамки узкого понятия художественного концепта, который может трактоваться как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения, так как совокупность мнений, суждений героев произведений Ф.М. Достоевского есть не только сумма индивидуальных представлений, заключенных в рамку художественного текста, но своего рода национальная концепция, картина мира русской интеллигенции XIX столетия.

Таким образом, концепт «Русские», рассматриваемый на материале произведений Ф.М. Достоевского, выходит за рамки денотативного пространства художественного текста, его границы могут быть расширены до уровня национальных представлений. Можно согласиться с мнением В.Г. Никоновой о том, что продуктивно «рассматривать художественный концепт как целостное образование особого вида, которому присуща способность пополняться, изменяться, отображать человеческий опыт, но это не исключает возможности эволюции» его концептуального содержания (12: 164).

Концепт «Русские» целесообразно рассматривать в рамках концептуального поля, где элементы связаны семантическими, ассоциативными, эстетическими, этнокультурными и др. отношениями. Центр поля с ядерной семемой «Рус-

ские» состоит из нескольких понятийных блоков, которые последовательно, от произведения к произведению прикрепляются к ядру, расширяя пространство поля и открывая новые возможности для смысловых приращений. В этом случае срабатывает механизм возникновения перспективы, который обусловлен множеством конститутивных семантических признаков лексемы «русские», ее ассоциативных связей и «культурных коннотаций» (термин В.Н. Телия). Возможности расширения границ поля и перспективы возникновения новых понятийных блоков говорят об актуальности обозначенной темы и одновременно о невозможности полной ее реализации в рамках отдельной статьи.

Масштабность концепта «Русские» в произведениях Ф.М. Достоевского обусловлена полимерностью видения и изображения различных категорий и социальных слоев, к которым принадлежит русский человек. В одном случае писатель может вывести отдельную категорию русского человека — русского поэта, писателя, критика, литературного героя, «настоящего русского, то есть читающего хоть журналы» (2, 388), русского, живущего в «русской Европе» (2, 409), «русского романтика» (2, 484) и др.; в другом случае — говорит о русском человеке вообще, акцентируя внимание на русском характере, русской натуре, имея в виду особую ментальную сущность. Рассуждая о русских писателях, критиках и литературных героях, персонажи Ф.М. Достоевского часто затрагивают вопрос об отношении русских к Европе и всему европейскому, в частности французскому. Сидя в вагоне поезда, направляющегося в Европу, герой «Зимних заметок о летних впечатлениях» говорит о противоречиях, заложенных в природе отношений русских к французам как нации, к их умственным способностям и в то же время о непреодолимой тяге русских подражать им в науке, искусстве, гражданственности, манерах одеваться и др. Вспоминая Д.И. Фонвизина, герой замечает следующее: *«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин, и, боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял. И кто знает, может, и все-то мы после Фонвизина, три-четыре поколения сряду, читали ее не без некоторого наслаждения. Все подобные, отделяющие иностранцев фразы, даже если и теперь встречаются, заключают для нас, русских, что-то неотразимо приятное»* (2, 393).

В данном текстовом фрагменте цитата Фонвизина актуализирует не только индивидуальное, субъективное мнение, суждение писателя, драматурга, но и, по убеждению героя «Зимних заметок...», является близкой для русского человека вообще. Контаминация приемов сарказма и предикатной градации, используемых Фонвизиным, производит особое психологическое воздействие на русского читателя. Субъект речи определяет его такими словосочетаниями, как *весело написалась, щекотало от удовольствия на сердце, некоторое наслаждение, неотразимо приятное*. Денотативно положительные номинации *весело, удовольствие, наслаждение, приятное* прочитываются в ироническом контексте, поэтому подобную психологическую реакцию можно обозначить номинацией «злорадство». Тем не менее в следующей главе тот же герой отмечает следующее: *Этот человек (Фонвизин. — Э.А.) по своему времени был большой либерал. Но хоть и таскал он всю жизнь на себе неизвестно зачем французский кафтан, пудру и шпажонку сзади, для означения рыцарского своего происхождения (которого у нас совсем не было)... но только что высунул свой нос за границу, как и пошел*

отмаливаться от Парижа всеми библейскими текстами и решил, «что рассудка француз не имеет...Кстати, уж не думаете ли вы, что я заговорил о *шпажонке* и о бархатном кафтане в укор Фонвизину? Ничуть не бывало! Не зипун же было надевать ему на себя...когда и теперь иные господа, чтобы **быть русскими** (выдел. курсив. — Ф.Д.) и слиться с народом, не надели-таки зипуна... (2, 397). Общий тон текстового фрагмента, довольно пренебрежительный, создается разговорными фразами с негативной коннотацией (*таскать на себе... французский кафтан, пудру и шпажонку, высунул свой нос за границу, пошел отмаливаться от Парижа*). Прием иронии в первом примере создается семантической разноплановостью лексем, объединенных на правах однородных членов (вид одежды, парфюмерная принадлежность, орудие как элемент мужского костюма), словоформой *шпажонку* с суффиксом субъективной оценки и смысловыми отношениями членов объектного ряда с предикатом *таскать*. Метонимический перенос, лежащий в основе фразеологизма «высовывать (свой) нос» направлен на актуализацию следующего смысла: «недавно приехать», «едва приехать».

Тенденция русских к «национальной трансформации» (термин наш. — Э.А.) как национальная черта отмечается и современными исследователями. В.Н. Дуденков пишет: *Россия вечно в пути, она всегда перестраивается, русский велик и жалок, ибо он никогда не подлинен. Он разносоставен, как разносоставен его язык...Все напрокат, все на время. Сегодня он скиф, а завтра грек. Сегодня — татарин, а завтра — лоценьный европеец* (5, 66). Семантический объем данного высказывания близок к высказыванию Ф.М. Достоевского с той только разницей, что русский писатель затрагивает и внутреннюю сущность «национальной трансформации».

В «Дневнике писателя» находим следующую мысль: *В Европе мы приживальщички и рабы, а в Азию мы явились господами, в Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы* (4, 36—37). Почти полуторазековой временной срез обнаруживает идентичные и близкие по смыслу номинации, объединенные авторами по одинаковому принципу — в антонимичные пары стилистическим приемом контраста: *татарин, европеец — были татарами, европейцы; велик и жалок — явились господами, приживальщички и рабы*. «Национальная трансформация» как константная черта русских определяется В.Н. Дуденковым словоформами *в пути, перестраивается, не подлинен, разносоставен, напрокат, на время*.

Концептуальное пространство поля «русские» имеет открытые границы, что связано с внеязыковыми факторами — историческими. Рассмотрение данных факторов предполагает исследование аксиологического слоя концепта «русские». Некоторые современные исследователи, например, А. Ребров, Архиепископ Тихвинский Константин имплицитно оценивают тенденцию к «национальной трансформации» как негативную, основанную на противостоянии русского уклада жизни иностранному. *Когда Европа «онаполеонилась», — пишет Архиепископ Тихвинский Константин, — встал вопрос — последовать за европейскими странами или упротствовать и бороться*.

Сегодня ситуация схожа. Европа американизировалась. В этот процесс пытаются вернуть Россию, и ей предстоит поборотся за себя или погибнуть (15, 33). Проводя экскурс в историю, автор актуализирует смысловую доминанту *боротся (поборотся)*, акцентируя внимание на противостоянии российского образа жизни европейскому и американскому. Причем этот процесс автор расценивает как действие извне, при котором Россия испытывает на себе чужое влияние,

а не действует по собственному волеизъявлению (неопределенно-личная конструкция: *В этот процесс пытаются ввергнуть Россию*). Такая точка зрения весьма спорна, ибо большинство русских писателей и современных исследователей определяют стремление России к «национальной трансформации» как центробежную силу, считая ее одной из национальных черт (А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, М. Дунаев, В. Рогов, А. Корольков, В. Дуденков и др.). Эта тенденция играет весьма важную роль при формировании концептуального пространства с номинацией «русские» в силу своей вневременной актуальности и прогрессирующего обострения на современном этапе. И лексический состав современного русского языка, гиперактивно пополняющийся иностранными словами (в основном — американизмами), является главным индикатором проблемы «национальной трансформации», возникшей с момента так называемого «прорубания окна в Европу». Н. Кважинадзе связывает это с «вековой восприимчивостью русской души» (9, 4). В интервью с Л. Анненским она задает риторические вопросы философско-иронического характера: *А как было оградить русскую речь от тюркизмов и латинизмов в прошлом? И как оградить ее теперь от американизмов, когда на каждом шагу тебя стерегут промоутеры, хватают риелторы, агитируют в консалтинг, и вербуют в бой-фрэнды?* Здесь же автор определяет перспективу: *...русская речь будет и впредь впитывать все нерусское...*(9, 4).

Проблема «национальной трансформации», связанная со стремлением русских впитывать в себя все иностранное и подражать ему, объясняется экстралингвистическими факторами, которые в свою очередь накладывают отпечаток на лексическую систему русского языка, изменяя и подчас вульгаризируя ее. Стремление к западничеству как национальная черта является одним из компонентов концепта «русские», который тесно связан с другим, условно обозначаемым как «русский характер». В какой-то мере данные понятия связаны гиперо-гипонимическими отношениями как целое и его часть. Феномен «национальной трансформации» (называемый исследователями по-разному) отмечается на протяжении нескольких столетий, и поэтому его можно считать особой чертой русского характера.

Денотативное пространство понятия «русский характер» можно представить как микрополе открытого типа с традиционно закрепленными характерологическими константами, с одной стороны, перспективами и новыми тенденциями — с другой. Данное микрополе является частью концептуального поля «русские».

Понятия «русский характер», «русская натура», «русская душа» до недавнего времени были предметом исследования философов и литературоведов, но с развитием когнитивной лингвистики наметились новые подходы к их анализу и рассматриваются они как часть концептосферы, составляющую субъективной картины мира какого-либо автора или как часть комплексной когнитивной структуры. В нашем случае понятие русского характера целесообразно анализировать в рамках комплексной когнитивной структуры, которая хотя и состоит из отдельных субъективных представлений, но индивидуально-авторские мнения, суждения часто совпадают с традиционными, стереотипными и потому претендуют на узуальность. Тем не менее при анализе концепта «русские» и его компонентов необходимо учитывать и то, что «степень соответствия универсальных и индивидуальных знаний в художественной картине мира текста

может быть различна: от полного совпадения, тождества — до разительного несовпадения, полного расхождения» (1, 130).

Словосочетание «русский характер», с лингвистической точки зрения, метафорично и одновременно метонимично, с психологической точки зрения — абсурдно, так как понятие характера может соотноситься только с отдельным индивидом, но не с нацией в целом. Таким образом, анализ понятия «русский характер» в рамках концептуального поля скорее предполагает исследование этнокультурного, оценочного, ассоциативного слоев, чем предметного и понятийного. Единицей анализа может быть любая текстовая единица — лексема, фразеологизм, словосочетание, предложение, сложное синтаксическое целое, абзац в зависимости от полноты актуализируемого смысла и способности выразить авторскую концепцию.

Понятие «русский характер» полисеманлично, оно включает индивидуально-авторские и стереотипные, общепринятые представления о «доверчивости, близкой к детской наивности, разухабистости, безудержном пьянстве, вечной тоске, внезапно сменяемой разгульным весельем, общительности вкупе с навязчивостью, нищенствованием, хвальбе в сочетании с самоуничижением и самоунижением» (7, 25) и многие другие. В рамках данной статьи предполагается рассмотреть некоторые мнения и суждения об отношении русских к труду и распределению материальных благ. Герой «Зимних заметок...» Ф.М. Достоевского утверждает следующее: *Трудов мы не любим, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо одним шагом перелететь до цели или попасть в Регулы. Ну вот это-то и есть белоручничанье* (2, 407). Словоформа существительного во множественном числе (*трудо*) указывает на многократность процесса. Метафорический распространитель *по одному шагу* указывает на размеренность, неторопливость действия. Отрицательная форма предикатов *не любим, шагать не привычны* прямо указывает на отношение к объекту высказывания (*труды*).

Модальные оттенки в семантике сказуемых выполняют определительную функцию в семантическом блоке «русский характер». Авторский неологизм *белоручничанье* является обобщающей номинацией с двойной экспрессией (первичная метафоричность производящего слова «белоручка» и сам факт неологизации). Историки и писатели разных эпох частично подтверждают эту мысль, однако имплицитно (В.О. Ключевский) и эксплицитно (В.Г. Распутин) отрицают нелюбовь к труду, неумение трудиться и акцентируют внимание на характере труда, свойственном и несвойственном для русского человека. У историка В.О. Ключевского находим следующие строки: *...великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привык работать скоро, лихорадочно и споро... Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии* (10, 313—314). Данное высказывание содержит семантическую оппозицию с контрастными доминантами *привык работать — непривычка (привык работать скоро, лихорадочно и споро — непривычка к ровному, умеренному, постоянному труду)*.

Мнение писателя В.Г. Распутина более категоричное: *Никогда не соглашусь с тем, что русский человек не умеет работать... Другое дело — русский человек чрезвычайно чувствителен к характеру работы. Ему необходимо воодушевление в работе, азарт, соревновательность, он любит напряжение, трудность и, конечно, смысл. В размеренной, текущей работе он становится вялым, она ему не*

интересна, не отвечает его порывистой натуре (6, 3). Существительные *воодушевление, азарт, соревновательность, смысл* выступают в роли детерминирующих признаков, объясняющих условия, при которых русский человек работает с удовольствием и интересом. Причину «вялости» при «размеренной, текущей работе» автор видит в «порывистой натуре» русского человека. И.П. Павлов определяет данную особенность русского характера градационным рядом: *У нас рекомендуемыми чертами являются не сосредоточенность, а натиск, быстрота, налет* (13, 9). Таким образом, мнения авторитетных исследователей о характере работы, которая свойственна русской натуре, совпадают, они формируют определенный этнокультурный и оценочный слой концептуального поля с ядерной семемой «Русские».

Другая сторона вопроса — отношение к приобретению и распределению материальных благ — так или иначе связана с темой труда; она предполагает решение принимать или отрицать сам труд как способ достижения материального благосостояния. Герой романа Ф.М. Достоевского «Игрок» высказывает следующую мысль: *...русский не только не способен приобретать капиталы, но даже и расточает их как-то зря и безобразно. Тем не менее нам, русским, деньги тоже нужны... следовательно, мы очень рады и очень падки на такие способы, как например рулетки, где можно разбогатеть вдруг, в два часа, не трудясь. Это нас очень прельщает; а так как мы и играем зря, без трудов, то и проигрываемся!* (3, 589). Сказуемое с распространителем *не способен приобретать капиталы* имплицитно содержит мысль о неспособности приобретения капиталов **трудовым способом**. Пример «нетрудового» способа эксплицируется определительной конструкцией, в которой придаточная часть содержит обстоятельственный ряд, определяющий образ действия, предпочтительный, по мнению субъекта речи, для русского человека: *...например рулетки, где можно разбогатеть вдруг, в два часа, не трудясь*.

Компонент «распределение материальных благ» актуализируется сказуемым с распространителями в первом предложении: *расточает их как-то зря и безобразно*. Сказуемое *расточает* содержит негативно-оценочный и экспрессивный оттенки (ср. *тратит, расходует*), усиливаемые распространителями. Последняя фраза имеет форму умозаключения с лексическим и корневым повторами, которые акцентируют внимание на «нетрудовом» способе приобретения материальных благ (*зря, без трудов*); сказуемое *проигрываемся* косвенно включается в компонент «распределение материальных благ». Мысль героя Ф.М. Достоевского поддерживается высказыванием современного историка Э. Радзинского: *Внутри народа русского всегда есть эта идея несправедности большого богатства...* (14, 9).

Индивидуально-авторские мнения и суждения могут быть основаны как на реальной картине мира, так и на ирреальной, связанной с народным творчеством, фольклором. И.М. Супоницкая пишет: *В сказках отразилась мечта россиян — исполнение желаний без труда: «по щучьему велению», с помощью «скатерти-самобранки»* (16, 44). Семантика подлежащего и сказуемого с распространителями отражает внутренние стимулы русского человека, предопределяющие его отношение к приобретению материальных благ без труда. Современные исследователи также наблюдают такую черту, как расточительство в отношении к собственности. А. Казин отмечает следующее: *В отношении к собственности как божьему дару («земля — богова») издавна коренилась драма русского предпринимательства: отсюда и знаменитая купеческая гульба, и миллионы на монастыри или... на революцию* (8, 16). Расточительство неоднородно: может

иметь благородные (*миллионы на монастыри*) и неблагородные (*купеческая гульба*) назначения. Но сам факт нерационального распределения собственности автор называет *драмой русского предпринимательства*, которая изначально преопределена идейными постулатами русского православия.

Концепт «Русские», анализируемый на материале классических произведений и современной прессы с учетом мнений историков и писателей XIX—XX вв., довольно сложен и неоднозначен в структурном и семантическом отношении. Смысловые блоки концептуального поля «Русские», рассматриваемые в рамках комплексной когнитивной структуры, имеют открытые, подвижные границы, что связано со специфическими особенностями русской культуры. Затруднено исследование этнокультурного слоя концепта «Русские», так как он в данном случае тесно связан с ассоциативными и оценочными факторами, лежащими в основе субъективных мнений и суждений. А истоки неоднозначности мнений, суждений исследователей о «национальной трансформации», русском характере и, в частности, об отношении русских к труду и распределению материальных благ, по нашему мнению, лежат в славянофильской, западнической и позже евразийской философских концепциях, что гарантирует возникновение новых тенденций и перспектив в структуре и семантике исследуемого концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Филологический анализ текста. М.: Академический проект, 2004.
2. Достоевский В.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Собрание сочинений в 15 т. Л.: Наука, 1989.
3. Достоевский Ф.М. Игрок // Там же.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1881 // Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 36—37.
5. Дуденков В.Н. Русский космизм. Философия надежды и спасения. СПб., 1992.
6. Желнорова Н. Валентин Распутин: «От каких несчастий мы произошли?» // Аргументы и факты. 1998. № 42.
7. Желнорова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: автореф. дис... д-ра филол. наук. Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 2004.
8. Казин А. Русская победа // Всероссийский сбор. 2003. № 2.
9. Кважинадзе Н. Трудно быть русским: интервью с Л. Анненским // Националь. 2004. № 4.
10. Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.
11. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005.
12. Никонова В.Г. Жанр — Текст — Художественный концепт (опыт семантико-когнитивного анализа) // Реальность, язык и сознание: межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005. Вып. 3.
13. Павлов И.П. О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.
14. Радзинский Э. У нас в крови раскулачить кулака, разбевреить олигарха // Аргументы и факты. 2005. № 16.
15. Ребров А., Высокопреосвященнейший Константин, Архиепископ Тихвинский. В. Ганичеву — 70! «Росс непобедимый» // Всероссийский сбор. 2003. № 3.
16. Супоницкая И.М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопр. философии. 2003. № 5.

SUMMARY: The article by a post-graduate of the Far Eastern State University E. Apanasenko “Concept “The Russians”: Denotative Limits, Opportunities and Perspectives (on the Materials of works by F.M. Dostoevsky and Current Publicism)” is devoted to the study of the eponym “the Russians”. The eponym is analyzed in literary works written by F.M. Dostoevsky and publicist texts of modern linguists, historians and sociologists. The author studies such notions as “national transformation” and “Russian character” (the attitude towards labor, gaining and distribution of material benefits) as the main parts of the concept field “Russians” as specific peculiarities of Russian culture that was deeply influenced by Slavianofilskaya, Westernized and Eurasian philosophical concepts.